

ПОЛЕТЫ НАЯВУ

«Однажды со мной приключилась детективная история, которая вполне могла закончиться летально. В критическую минуту я ощутил пронзительную тоску, и только одна мысль билась в моем мозгу. Мысль эта была не о маме, не о брате. А была она о театре. О том, что я еще ничего не успел сделать и уже, как видно, не сделаю. Но не тут-то было. Как живительный источник, энергия театра встряхнула меня, и, подавив предательскую дрожь в коленках, я вступил в психологический поединок. И победил... А утром снова была репетиция, а вечером снова был спектакль».

Это история, рассказанная ведущим актером **Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова Валерием Харютченко**, очень показательна, потому что дает представление о его отношении к своей профессии. Некоторые считают это любовью, граничащей с фанатизмом. Для Валерия, прослужившего на грибоедовской сцене 47 лет, такая позиция – норма!

«Он все делает до конца, всем своим существом, – говорит главный режиссер Грибоедовского театра и ректор Тбилисского университета театра и кино им. Ш. Руставели **Гоги Маргвелашвили**. – Посмотрите, как Валерий работает, как готовится к репетиции, как всегда идеально собран, с каким уважением относится к чужому труду, как внимателен к партнерам, как может при надобности помочь... И что самое ценное и удивительное – как он отдается работе! У него характер такой, он по-другому не может. Есть такой термин в театральном жаргоне – «вполноги». Представьте: на сцене стоят 19 человек и Валерий Дмитриевич. 19 человек предложение сыграть «вполноги» поймут сразу. И выполняют. Он – никогда. Он так не может. И мне это очень нравится!»

Азам актерского мастерства и отношению к профессии Валерия Харютченко учили замечательные педагоги москов-

Валерий Харютченко

ского театрального института, училища им. М.С. Щепкина, среди них – руководитель курса, корифей Малого театра профессор **Николай Александрович Анненков**. В 1971 году Валерий пришел в Грибоедовский театр, где служит по сей день.

В начале творческого пути Харютченко буквально взорвал театральный Тбилиси ролью **Герострата** в спектакле **А. Товстоногова** по пьесе **Г. Горина «Забить Герострата»**. Вот как пишет об этом периоде творчества артиста грузинский театровед Лела Очаури: «Хорошо помню ажиотаж общественности и ажиотажи в театре, когда на сцене впервые появился и сразу стал ведущим актером еще молодой, симпатичный, стройный Валерий Харютченко, как он покорила Тбилиси 70-х, избалованный талантливыми артистами и прекрасными спектаклями... Прошли годы, но мы до сих пор не забыли лучшие работы Харютченко тех лет».

«Холстомер». Холстомер — В. Харютченко

Настоящая творческая жизнь Валерия началась с приходом в Театр Грибоедова режиссера **Александра Георгиевича (Сандро) Товстоногова** — постановщика «Герострата» и многих других замечательных спектаклей, любимых тбилисской публикой. Это был период возрождения Грибоедовского театра. Каждый актер получил тогда реальный шанс проявить себя.

Валерию, проработавшему к тому времени в Тбилиси три года, жизнь в театре казалась бессмысленной и рутинной. Но первая же роль **Букина** в спектакле «**Прощание в июне**» **А. Вампилова** вызвала у Сандро Товстоногова интерес к молодому актеру. Затем последовали **Бусыгин** в «**Старшем сыне**», **Он** в «**Райских яблочках**» **А. Котетивили**, **Олег Кошевой** в «**Молодой гвардии**» **А. Фадеева**, **Никита** в «**Жестких играх**» **А. Арбузова**, **Лизандр** из шекспировской комедии «**Сон в летнюю ночь**» и многие другие. «Я стал ощущать себя в профранстве сцены, видеть перспективу роли, держать целое, чувствовать свет, звук, понимать миг», — вспоминает актер.

Валерий Харютченко обладает способностью к полному перевоплощению, нигде не

повторяясь, предвстая каждый раз новым и неожиданным. Он может быть совершенно разным: нелепым и беспомощным, легким и победительно-обаятельным, ироничным и гротескным, трагическим и абсурдным.

С годами выросло мастерство актера. Если в начале творческого пути за него (кроме таланта, разумеется) был молодой кипучий темперамент, то с приходом актерской зрелости появилась большая глубина, философское осмысление материала. Вот как сам актер, не без самоиронии и юмора, говорит о феномене молодости и преимуществах актерского опыта:

«Когда мы, студенты Щепкинского училища, проходили практику в Малом театре, некоторые народные артисты говорили, что выходить с нами на сцену рискованно. Потому что мы как кошки и собаки, а животных переиграть невозможно... Когда я в 24 года играл Бусыгина, успех во многом определялся обаянием молодости. Сейчас же, когда я играю Сарафанова в той же пьесе, но в постановке Г. Маргвелашвили, опираться надо на что-то иное. Скажем, на свой опыт. Чтобы выдержать конкуренцию с молодыми, во-первых, из тебя не должен сыпаться песок, а если уж сыпанется, то

он должен быть золотым. Во-вторых, а это самое главное, ты должен летать...»

Когда речь идет о таком актере, как Харютченко, и с золотым песком, и со способностью к полету все в порядке. Конечно, жизненные коллизии, испытания, потери — а их в последние годы было немало — не могли не отразиться на мировоззрении и мироощущении Валерия и, как результат, на творчестве.

«**Кроткая**» по рассказу **Ф.М. Достоевского** в репертуаре театра уже пятнадцатый год. И **Ростовщик** Валерия Харютченко, конечно, претерпел некоторую трансформацию, стал в чем-то интереснее, глубже, парадоксальнее. Герой Достоевского, вообще очень сложный и неоднозначный, — это своего рода зеркало, в котором отражаются процессы, происходящие в самом исполнителе.

На каждом спектакле этот персонаж — «разочарованный мечтатель» — вызывает разные, противоречивые чувства, и зритель выступает то в роли прокурора, то в качестве адвоката. Ростовщик, каким играет его актер, добавляя все новые и новые штрихи к портрету, — жертва и тиран одновременно. Его мучительная, тщетная попытка разобраться в себе, найти выход из лабиринта мыслей и чувств не может не вызывать сострадания по ту сторону рампы. Пока идет спектакль, в зале — звенящая тишина, кто-то едва сдерживает слезы.

Важнейшая роль в копилке Валерия Харютченко — **Холстомер** (за нее актер был удостоен Золотого диплома XI Московского международного театрального фестиваля «Золотой витязь») в знаменитом спектакле худрука Грибоедовского театра **Авто Варсимавили «Холстомер. История лошади»**. Эта работа В. Харютченко тоже не оставляет в зале равнодушных. Но свойствен его Холстомеру не большой эгоцентризм, не расщепленность сознания героя Достоевского, а качества противоположные: всепрощение, терпимость, философский взгляд на несовершенный мир. Это существо, обретшее мудрость ценой тяжелых испытаний и разочарований. Валерий чутко улавливает и передает красоту, просветленность внутреннего мира Холстомера.

Момент невероятного счастья для актера — услышать после спектакля от зрителя: «Вы вернули мне любовь к театру!».

В природе Валерия — своеобразный камертон, благодаря которому он точно настраивает свою актерскую психофизику. Например, когда выходит в роли **Сарафанова** в спектакле «Старший сын». Причем, с настоящим камертоном в кармане пиджака. Ведь вашиловский герой — музыкант с амбициями композитора. Если уместно употребить слово «амбиции» в отношении «блаженного», как называют его, Сарафанова, близкие. Грибоедовцы показали спектакль в рамках петербургского международного театрального фестиваля «Встречи в России» (2015), и работа Валерия Харютченко получила высокую оценку критики. Так, Борис Тух на страницах журнала «Иные берега» отмечает, что актер создал «образ грандиозного масштаба», «сыграл человека не от мира сего — этот Сарафанов, возможно, в самом деле гениальный музыкант, и он до сих пор сочинил только одну страницу своей симфонии не от слабости дарования, а от стремления к совершенству. Он абсолютно беззащитен — и пьет не как алкаш, а как поэт...».

«Не от мира сего» и его **Жевакин** из гоголевской «**Женитьбы**» в постановке **А. Варсимавили**. Правда, здесь все происходит в стилистике трагикомического гротеска, и Валерий Харютченко проявляет яркое комедийное дарование. Очевидно нежное отношение актера к своему нелепому и трогательному персонажу: он подчеркивает в Жевакине доброту, чистоту и детскую наивность.

Элементы гротеска просматриваются в рисунке и другого его гоголевского образа — **Глов** из «**Игроков**» (режиссер **Г. Маргвелашвили**). Это полная противоположность Жевакину. Глов появляется на сцене словно существо с другой планеты — светлый, легкий, почти невесомый, как бабочка. В сопровождении такой же легкой и красивой музыки. В элегантном костюме и шляпе. С садком в одной руке и небольшой корзиночкой в другой: в ней, как потом оказывается, находится птичка... Ничто в этом воздушном образе поначалу не вызывает ассоциаций с мошенничеством. Разве что

«Женитьба». Жевакин — В. Харютченко

едва уловимый оттенок улыбки — так и хочется назвать ее «волчьей». Словом, волк в овечьей шкуре, плетущий кружево живых речей. Любящий отец семейства, порицающий дурные наклонности. Патриот, радеющий за процветание России. А на деле — циничный хищник.

Вспоминается в связи с этим давняя работа Валерия — мольеровский **Тартюф** (одноименный спектакль **А. Джакели**). В inferнальном создании актера, с белым ликом, с длинной косой за спиной, окутанном в облако белого шелка, было что-то нечеловеческое, непостижимое. Он был похож на некое мифологическое существо, злое и вместе с тем притягательное, как, увы, бывает порой притягательным порок. Жутковатый сарказм — такова была, пожалуй, доминанта образа, воплощаемого актером.

Жизнь артиста — созданные им образы, а о диапазоне и масштабе его творческих возможностей говорят сыгранные им роли классического репертуара: **Жадов** («Доход-

ное место» **А.Н. Островского**), **Чацкий** («Горе от ума» **А.С. Грибоедова**), **Говоруха-Отрок** («Сорок первый» **Б. Лаврентова**), **Гаев** («Вишневый сад» **А.П. Чехова**), **Иешуа Га-Ноцри** («Мастер и Маргарита» **М. Булгакова**), **Каренин** («Анна Каренина» **Л.Н. Толстого**), **Штокман** («Доктор Штокман» **Г. Ибсена**), **Платонов** («Яма» **А.И. Куприна**), **Коромыслов** («Женщина» **Л. Андреева**)... Запомнились роли разных лет из современной драматургии: молодой «монстр» **Володя** из «Дорогой Елены Сергеевны» **Л. Разумовской**, «лишний человек» **Марк** из спектакля «Сестры» **Л. Разумовской**, **Саша** — «Убить мужчину» **Э. Радзинского**.

За значительный вклад в развитие культуры Валерий Дмитриевич Харютченко награжден Орденом Чести (Грузия) и Орденом Дружбы (Россия).

Но Валерий никогда не ограничивался актерской профессией — занимался и режиссурой. На этот путь его благословил сам **Сергей Параджанов**. Актер вспоминает:

«Когда-то, еще будучи студентом, я увидел фильм **Сергея Параджанова** «Тени забытых предков» и был потрясен. Выйдя из кинотеатра, долго стоял перед плакатом. Все мое существо вибрировало от восторга и какой-то необъяснимой печали. Если бы этот невероятный режиссер, этот фантастический художник был моим учителем, я был бы счастлив, думаю я. Но утопические мои фантазии терялись в лабиринте невероятности. Спустя несколько лет, когда я уже стал актером, друзья привели меня в святая святых — место паломничества, тбилисскую обитель великого мастера. К этому времени я уже увидел и его гениальный фильм «Цвет граната». Мы вошли в дом промозглым бесснежным зимним вечером и попали в зазеркальный мир **Параджанова** — мир его коллажей, графики, кукол, шляп, гипертрофики, его остроумия и гостеприимства. Уходили утром. Когда вышли на террасу, то буквально обомлели. Весь мир был бел и тих, выпал первый снег. Фантастика! Мы подружились. Я вошел в армию его друзей. Правда, однажды он мне сказал: «Ты думаешь, я не знаю многим из них це-

«Кроткая».
Он — В. Харютченко

ну? Знаю! Бог с ними! Ты же приходи почаще, учись, пока я жив. И вообще, кончай играть в Грибоедовском своих геройчиков, иди ко мне вторым режиссером на «Ашик-Кериба». Что, боишься? Репутацию испорчу? Зато прославишься». Смеется. «Сергей Иосифович, ведь я мечтал о вас!» — «Ну вот и не дури! Знаешь, я давно хочу поставить «Гамлета» в театре. Давай с тобой! Хотя ты же начнешь свою психологию разводить, а я ведь чистый формалист!» — «Сергей Иосифович! Формализм, психологизм — везде свой «изм». Главное — ваш талант, а это — сама метафизика!» — «Ладно! Поговори, с кем нужно, в Министерстве культуры тебя ведь, наверное, знают». Знать-то знают, но Параджанова в театр не захотели пустить, сказали, что маэстро взорвет Грибоедовский. А это скандал. Жаль, ведь мог быть **грандиозный** скандал! Глядишь, Феллини с Тонино Гуэрра нагрязнули бы!

Однажды я решил исповедаться Параджанову, рассказать о своих режиссерских набросках. Говорил около двух часов. Он слушал молча. «Что скажете, Сергей Иосифович?» — «Знаешь, когда слушаю других, почему-то устаю. Ты меня не утомил. Ты тоже шаман! Не боишься, что я что-нибудь

украду?» — «Буду только счастливым!». Смеется. «А вот это, не знаю, подсмотрел ты где-то или подслушал, на уровне моего учителя Довженко!» Дело в том, что я рассказал ему о своем решении сцены с ключевым монологом из пьесы Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина». На сцене стоял гроб. Мой Тарелкин, герой этой трагикомической истории, совершал акробатический трюк — с разбегу перепрыгивал через самого себя, якобы покоящегося в этом гробу. Его мнимая смерть была бунтом. Маленький человек дерзнул бросить вызов затюкавшему его тираническому миру. Тем самым он опровергал поговорку «невозможно перепрыгнуть через самого себя», свою судьбу. Этот, можно сказать, метафизический прыжок и вызвал такую оценку мэтра».

Несколько лет назад Валерий стал магистрантом режиссерского факультета Тбилисского университета театра и кино имени Ш. Руставели. Первым его давним опытом стал спектакль «**Путь**» **Г. Батиашвили** — о гибели великого грузинского поэта Илии Чавчавадзе. Валерий был сорежиссером. А чуть позднее осуществил постановку по собственной инсценировке повести **Р. Брэдбери** «**451 градус по Фаренгейту**» —

она называлась «**Заплыв по реке забвения**». Главной в этой экспериментальной работе Харютченко была тема пробуждения человеческого самосознания — она будет доминирующей и в последующих спектаклях Валерия. Критика отмечала и необычную, выразительную форму «Заплыва».

В 2009 году моноспектакль Валерия Харютченко по драматическим произведениям **А.С. Пушкина «Мне скучно, бес... чур-чур меня!»** стал участником Второго московского международного фестиваля моноспектаклей «Соло» (актер является обладателем государственной награды России — медали Пушкина).

Моноопишошу — так определил его жанр Валерий Харютченко, создав своеобразный синтез ярких психологических характеристик и заостренной формы. Ему удалось сценическими средствами передать глубину философской мысли, сам дух пушкинских трагедий. Гипертрофированное сознание героев — Скупого рыцаря, Сальери, Дон Гуана, Бориса Годунова, Председателя — проявленное в слове и жесте, концентрация мысли и чувства создавали особую энергетику спектакля. Артист демонстрировал мастерство перевоплощения. Менялись пластика, интонация, не говоря уже о внешнем облике персонажей.

Следующей работой Валерия стал спектакль «**Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или Прыжок в самого себя**» по собственной пьесе. Журналист Ирина Владиславская охарактеризовала его по формуле Бердяева — как «прыжок из царства необходимости в царство свободы». «Это авторский спектакль о невозможности для творца земной гармонии, о непомерной цене, которую приходится платить за вдохновение. В пьесе введены Альтер-эго героя, Ангел-хранитель, два Типа. Постановка строится на документах и на кирпичиках экзистенциального сознания. В драматургическую ткань вплетены стихи Есенина и самого автора, спектакль наполняет духовная музыка Чайковского, Катюликоса-Патриарха всея Грузии Илии II, Гии Канчели и брата Валерия — Александра Харютченко. «Мистическая ночь» — миг истины, когда прихо-

дит время платить по счетам, оживляя в памяти самые острые и болезненные переживания. В постановке в единый узел сплелись фантазии и реальность, высокое и низкое, добро и зло. Это сплав нравственных исканий, размышлений и эмоций».

Спектакль «Мистическая ночь» — его жанр определен как «постреалистическая фантазмагория» — принял участие в V Тбилисском международном театральном фестивале.

Сейчас Валерий работает над дипломным спектаклем «**Зона турбулентности, или В поисках потерянного рая**». В его основе — пьеса **Эдварда Олби «Что случилось в зоопарке**». Жанр вновь необычен: «почти гомерическая ART-мистерия».

«Мир, в котором мы живем, жесток и прекращен. Он освещен божественным смыслом, но разрушаем человеческим абсурдом, — говорит Валерий. — Аутсайдер Джерри, герой пьесы Олби, теряет связующую нить с окружающей действительностью. Его последняя попытка обрести в лице Питера, посланного ему судьбой, товарища, проводника по минному полю жизни, оказывается тщетной. Питер и Джерри — не просто какие-то люди, это тенденция. В каждом из них мы можем в чем-то узнать самих себя, в их действиях прочитывать собственные поступки. А в итоге искать ответ на вопрос, для чего живем.»

Зрители не раз аплодировали Харютченко на поэтических вечерах, отмечая его искусство чтеца. Пушкин, Лермонтов, Фет, Андрей Белый, Тютчев, Есенин, Бродский... Он поставил несколько представлений, посвященных русским поэтам — Николаю Гумилеву, Борису Пастернаку. К зоо-летию Санкт-Петербурга подготовил моноспектакль, в основе которого — поэзия Серебряного века. Был удостоен за это правительственной медали Российской Федерации «В память зоо-летия Санкт-Петербурга».

Валерий и сам пишет стихи, выпустил поэтический сборник «Веду я линию».

«Земля — транзит, мгновение — птица. Под крыльями его пунктиром дня и ночи жизнь промчится. Небесный эсней, взмахнув серпом, осылет Землю оленным зерном, и новое мгновение взмахнет крылом!»

Марина АЛЕКСАНДРОВА